

ДМИТРИЙ ЛЕОНЕНКО

КЕМЕНТАРИЙСКАЯ
ОРБИТА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Л47

Серия «Боевая фантастика»

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Л47 Леоненко, Дмитрий

Колон: Кементарийская орбита: роман / Дмитрий Леоненко. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 448 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-100181-0

2753 год. Студент-агроном Красноярской Республики Димер и не предполагал, что столкновение между Красноярском и могущественной клиентелой Владирос превратит его в беженца, а не менее могущественная клиентела Орбиталь захочет отправить к далеким звездам. Но ему приходится присоединиться к программе межзвездной колонизации, чтобы обрести новый дом на далекой планете Кементари.

Тяжелый труд, лишения и риск ждут колонистов. Но страшнее всего — угроза изнутри. Чтобы спасти колонию и любимую женщину, Димеру придется остановить раскол и кровавую междуусобицу среди поселенцев...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100181-0

© Дмитрий Леоненко, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Посвящается Светлане

Никогда мой дом не считался бедным, и я лучше уеду отсюда, чем потеряю свое достоинство, лучше покину страну, чем обещаю свой род. Я хочу принять предложение Эйрика Рыжего, моего друга, которое он сделал мне, когда мы расставались в Брейдафьорде. Я хочу этим летом отправиться в Гренландию, если это мне удастся.

*Торбьерн Вифильссон,
«Сага об Эйрике Рыжем»*

Пролог

Солнце еще не поднялось из-за покрытых темной малахитовой травой холмов, когда Попрыгунья отправилась на утреннюю охоту.

Попрыгунью разбудило мяуканье летучей кошки, свисшей себе гнездо в кустах над ее логовом. Она сладко зевнула, потянулась, взъерошив шерсть. Прошлась длинным языком по плечам и животу. Поднявшись на задние лапы, всадила длинные когти передних в кору рамисага и снова потянулась. Приспособленные для захвата и убийства добычи десять острых лезвий скользнули по стволу, обнажая длинную полосу луба.

Под черным с зелеными полосами мехом перекатились могучие мышцы. Опираясь на свой толстый хвост, Попрыгунья вытянула шею, завертев головой. Ей снилось, как мать приносит в гнездо добычу, и Попрыгунья торопливо наслаждается теплым мясом. Сон ушел, изгладившись из памяти и оставив после себя чувство голода.

Прошло два года с той поры, как когти Попрыгуньи пробили кожуру ее яйца, и год с того дня, как мать выгнала

юную Попрыгунью из гнезда. Она, разумеется, не скучала по матери — собственно, она уже начала забывать родительский дом, но порой воспоминания оживали в ее зыбких сновидениях, и тогда Попрыгунья сонно поскуливала и урчала, свернувшись клубком на подстилке из ветвей.

Сейчас Попрыгунья находилась в самом расцвете сил. Она еще не отложила собственную кладку, но весной, если с ней не произойдет никакого несчастья, ей предстояло найти подходящего самца и после долгого ритуала ухаживания (в любое время, кроме сезона гона и созревания яиц, встреча двух сородичей Попрыгуньи кончалась дракой и изгнанием пришельца с охотничьей территории) вместе с ним устроить гнездо и снести одно или два крупных кожистых яйца. Но сейчас было душное и теплое раннее лето, и Попрыгунью гораздо больше интересовала охота, преследование и вкус свежей крови, чем любовные игры.

Летучая кошка негодуя заворчала, когда Попрыгунья вновь принялась точить когти о рамисаг. Та вскинула голову и рыкнула, заставив соседку испуганно взвиться в воздух. Опустившись на другую ветку, повыше, летучая кошка принялась возмущенно жаловаться темному утреннему небу на жизнь.

Не обращая внимания на мяуканье в вышине, Попрыгунья смотрела в небо. Звезды понемногу гасли, синеполосатый полумесяц в вышине медленно тускнел.

Чего-то не хватало. Какой-то детали, появившейся совсем недавно.

Попрыгунья была умна и внимательна. Плотность нейронов и число нервных связей в ее мозгу приближались к граничным показателям, в пределах которых газообмен сквозь кожистую скорлупу яйца мог обеспечить кислородом растущий мозг зародыша. Система вентилируемых воздушных каналцев в стенках яйца еще больше раздвигала эти пределы (иссушая при этом яйцо, что заставляло самок строить гнезда неподалеку от водопоя и неустанно увлажнять кладки). В результате умственные способности Попрыгуньи

примерно соответствовали таковым у крупной собаки. Этого хватало, чтобы заметить столь явную неправильность в небе над головой — или ее отсутствие.

Попрыгунья привыкла, что небо над ее головой регулярно изменяется. Солнце всходит и заходит, а совсем редко — меркнет и превращается в тусклое красноватое колечко. Яркий голубой месяц в синюю полоску убывает и растет, выкатывается из-за горизонта и опускается за него же. Вспыхивают падающие звезды. И на такую мелочь, как появление еще одной звезды, она не обратила бы внимания.

Не пылай эта звезда ярче всех прочих — и не пульсируй она в стремительном ритме ослепительных бело-голубых вспышек.

Попрыгунья не привыкла ждать опасности сверху. Она знала, что ее когти и зубы слишком опасны даже для крупнейших летунов. Лишь смутное воспоминание о том, как мать вскидывала голову и грозно рычала, когда гнездо с новорожденной Попрыгуньей накрывала тень крыльев, заставляло ее подолгу рассматривать скользящую по небу яркую мигающую точку.

Оно — да еще острое юношеское любопытство.

Теперь звезда исчезла, и Попрыгунья ощутила что-то вроде разочарования. Но тут ее зоркие глаза уловили движение на речном берегу — и Попрыгунья мигом забыла о разгорающейся заре, небесах и светилах.

Фыркая, топая и скребя когтями землю, четверо касси приблизились к воде. Первым пил старый самец — перед этим внимательно взглядевшись, не мелькнет ли среди ила и стеблей грозная крылоголовая тень. Убедившись в отсутствии опасности, вожак наклонил голову к воде и, вытянув сквозь красную роговую решетку мясистые губы, принялся хлебать с шумом и плеском. Двое животных помладше затеяли игру, толкаясь плечами и вполсилы обмениваясь ударами рогов.

Попрыгунья алчно облизнулась. Увы, от детенышей было слишком близко до рогов и когтей старшего касси.

Она превосходно знала, куда следует вонзить когти, чтобы рассечь уязвимую шейную артерию именно в том месте, где она не прикрыта головной решеткой. Но знала Попрыгунья и о цене ошибки. Стоит ей чуть промахнуться — и ее прыжок встретит косою удар массивной головы, надежно защищенной алым переплетением роговых пластин и увенчанной шестью острыми рогами. На такую опасную добычу, как касси, Попрыгунья рискнула бы напасть лишь от бескормиды или встретив ослабевшее животное.

К счастью, Попрыгунья знала много других возможностей раздобыть себе завтрак.

Покинув лежку, она направилась вниз по течению — туда, где две реки, большая и малая, сливались воедино, образуя широкое водное пространство. Сильные задние конечности несли Попрыгунью вперед, массивный хвост покачивался, уравнивая вес передней половины тела. Останавливаясь, Попрыгунья выпрямлялась, опираясь на хвост, и тогда ее голова поднималась почти на два с половиной метра от земли.

И при всем том Попрыгунья оставалась молодым и некрупным животным, ее организм продолжал расти — и двигалась вперед она легким припрыгивающим аллюром. Порой даже специально взвивалась в воздух, наслаждаясь собственной силой и сноровкой. Позже, когда Попрыгунья заматерееет, подобная легкость станет ей недоступна, но пока она беззаботно скакала сквозь заросли иглицы и многочисленные рамисаговые рощицы.

Порой над ее головой хлопали перепончатые крылья, и красно-золотые летуны испуганно кричали вслед. Иногда она сама не отказывала себе в удовольствии вспугнуть стайку киринок, но сейчас Попрыгунья охотилась и не собиралась отвлекаться на игры. Со стробила на стробил белыми пятнышками перепархивали псевдобабочки, жужжали стрекозы.

Солнечные лучи озарили полуостров, окрасив небо в густой синий цвет. По дороге Попрыгунья разжилась не-

осторожным шишкоедом, но такой маленький кусочек мяса лишь раздражил ее аппетит. Поэтому, услышав из кустов хрюканье и фыркание стаи купологлавов, она облизнулась и припала к земле, не желая спугнуть добычу раньше времени.

Бивни купологлавов вонзались в землю, выбрасывая наверх червей, жуков и сочные белые корни папоротника, хрустящие на их плоских коренных зубах. Это стадо слишком далеко отошло от гнездовья киринок, чтобы их предупредили испуганные голоса летунов. Попрыгунья была, конечно, чересчур велика, чтобы подкрасться незаметно, но ей не было в том нужды.

Оглушительный рык Попрыгуньи пронесся над рекой. Купологлавы испуганно взвизгнули, бросаясь прочь. Попрыгунья рванулась вперед чуть раньше, мышцы заходили под кожей, сердце забилося чаще от азарта и предвкушения погони.

Красно-коричневые спины мелькали среди листьев и хвои. Купологлавы бежали быстро, но Попрыгунья легко развивала в беге до пятидесяти километров в час — и удерживала такую скорость по полчаса, легко догоняя резвых нахарамнов. К тому же она гнала купологлавов в сторону пляжа, где с ней и давно никто не мог тягаться.

Трава расступилась. Бегущий последним купологлав истошно завизжал, уже чувствуя на затылке дыхание Попрыгуньи. На бегу он метнулся в сторону, но Попрыгунья угадала его маневр и в рывке сшибла ударом когтистой лапы. Длинные сильные челюсти Попрыгуньи сомкнулись — и предсмертный визг купологлава сменился хрустом ломающихся костей.

Покончив с трапезой, Попрыгунья сыто облизнулась. Вновь занялась туалетом, тщательно приводя в порядок атласный черный мех. От разлива дул прохладный ветер, но ближе к полудню полуостров должна была окутать влажная жара. На севере вставала облачная гряда, предвещающая дождь, впрочем, прогноз погоды находился далеко за пределами

мыслительных способностей Попрыгуньи. Вытянув лапы и подобрав под себя хвост, она расселась на песке, облизывая передние лапы и вычищая свой пушистый синеватый живот и окровавленную черную манишку.

Слух Попрыгуньи был почти таким же острым, как и зрение, поэтому пришедший с небес тихий гул она уловила довольно скоро. Недоуменно встала, сторожко вскинув уши. Увидела приближающуюся со стороны большой реки белую полосу, пересекающую темно-синее небо.

Попрыгунья с любопытством склонила голову, наблюдая за растущим инверсионным следом. Гул рос, превращаясь в грохот. Виверниды испуганно вскричали, срываясь с ветвей. Далеко отсюда касси-вожак покосился на крылатую тень, за которой тянулся хвост белого пламени, и перешел на быструю рысь, уводя свою стаю прочь от полуострова.

Но Попрыгунья осталась на месте.

Это был ее охотничий участок. Ее территория, и она не собиралась отдавать ее без боя. Она не боялась тех, кто мог атаковать с неба — даже если оно грохотало и рычало, как целое стадо касси.

Стальной треугольник качнулся, подставляясь под набегающий поток и снижая скорость. За кормой протянулся белый купол тормозного парашюта. Донные дюзы пробудились, и машина встала на огонь. Попрыгунье не доводилось до этого видеть лесной пожар своими глазами, но полыхающее в небе голубое пламя пробудило в ней древние инстинкты. Она шагнула назад, еще и еще. Хвост бешено бил по сторонам, вздымая песок. Стремление защищать территорию и инстинкт самосохранения боролись под ее черепом.

Грохочущий и пылающий пришелец завис над берегом. Электроника проанализировала тип поверхности и выдала рекомендацию совершить посадку правее. Пятитонный аппарат медленно пошел вниз, выдвинулись стойки шасси. Не совсем гладко — одну из них заклинило, но перекося оказался небольшим. Спускаемый аппарат, чуть наклонившись, замер в двадцати метрах от опушки редколесья.

И в сотне метров от Попрыгуньи.

Человек назвал бы Попрыгунью не только любопытной, но и бесстрашной до патологии. Она подалась к месту посадки, внимательно рассматривая спускаемый аппарат. Чужак больше не грохотал и не плевался пламенем. Теперь, когда он спокойно замер у воды, он даже не казался живым. Скорее, необычно пахнущим камнем.

Попрыгунье все еще очень хотелось убежать — но, не в силах бороться с любопытством, она двинулась вперед. Очень осторожно, готовая в любой момент броситься наутек. Сократив расстояние примерно на половину длины, она прижалась к песку, внимательно рассматривая машину и надписи на двух языках вдоль ее когда-то белого, а сейчас — потемневшего и пошедшего разводами борта.

Из недр спускаемого аппарата на Попрыгунью уставилась скан-матричная камера. Конечно, зонд не мог похвастаться таким же уровнем интеллекта, что и Попрыгунья. Он вообще был довольно глуповатым механизмом, предназначенным для получения максимально подробных и многочисленных изображений, записей и результатов анализов. Выполняя программу первичного обследования места посадки, лендер сфотографировал Попрыгунью, превратил изображение в набор электронных импульсов, а его — в пучок длинных радиоволн, отправленный на орбиту.

В десятках тысяч километров над полуостровом более продвинутый электронный мозг, заключенный в сорокаметровом металлическом контейнере (все, что осталось к концу пути от укутанной многослойной абляционной теплоизоляцией металлической машины с пару небоскребов величинной), обработал изображение и пометил его как «крупное животное (предположительно) / геологическая формация (маловероятно)». Даже по сравнению с ним Попрыгунья была интеллектуалкой. Она бы никогда не спутала каменную глыбу и одного из своих сородичей. Впрочем, плоское изображение было бы для нее лишь комбинацией пятен.

Попрыгунья оставалась у спускаемого аппарата еще долго, лишь изредка отлучаясь, чтобы поохотиться. Она наблюдала, как вылетают из его недр крохотные жужжащие устройства, с любопытством провожая их глазами. Позволила одному дрону подлететь поближе и облететь вокруг себя, прежде чем отмахнуться от него лапой. Посмотрела, как взмывает ввысь сигара микродирижабля. Долго следила за спустившимися на поверхность планеты двумя гусеничными и двумя шагающими платформами, прежде чем попробовать одну из них на зуб. Платформа оказалась невкусной, и разочарованная Попрыгунья оставила ее валяться среди зарослей бочкообразных растений с широкими опахалами листьев на верхушках.

На орбите станция исправно принимала информацию от четырех поверхностных и восьми низкоорбитальных комплексов, обрабатывая, сортируя и сводя ее воедино по мере своих невеликих возможностей. Лазерный луч уносил выжимку полученных данных сквозь световые года обратно к крохотному желтому карлику, от которого сотни лет назад начал свой путь зонд.

Компьютер не знал, что одно из государств, отправивших его в полет, давно перестало существовать, а второе — изменилось до неузнаваемости, и данные о древнем проекте давным-давно стали достоянием истории. Он посылал данные, не заботясь о том, что они уходят в пустоту. В его матрицах и логических ячейках не было места для подобных мыслей.

Попрыгунья устроила лежку у спускаемого аппарата и наблюдала за странным визитером в свой мир еще много недель, даже в пору зимних засух. Только с приходом весны она ощутила зов природы и покинула свой пост ради более насущных дел.

А потом ей и вовсе стало недосуг. Два больших голубоватых яйца требовали постоянного дежурства у гнезда — для защиты от хищников, для увлажнения скорлупы. И пока избранник Попрыгуньи приносил ей изловленную добычу, она сама без усталости носила от реки воду в пасти, тщательно

смачивая кладку, переворачивала яйца, рыхлила подстилку. Когда же мягкая скорлупа лопнула и четыре внимательных черных глаза уставились на Попрыгунью — она окончательно распрощалась со своим юношеским любопытством.

Тем временем зонд продолжал выполнять поставленную задачу. Давным-давно отказали наземные комплексы и сошли с орбиты спутники, но лазерные сигналы по-прежнему мчались к Земле. Год за годом, век за веком.

Пока однажды не нашлись те, кто их принял и расшифровал.

Глава 1

— Леоненко Дмитрий Николаевич, схолферм, — чиновник за стойкой со скучающим видом провел моим айдимом по панели, дернул пальцем, прокручивая список.

— Направление на работы отсутствует, — отозвалась система синт-голосом. — Продовольственный статус откорректирован. Выдача рациона подтверждена. Проследуйте в ПВР для ожидания выдачи рациона.

Обычное дело. Редко кому удается получить официальное направление хотя бы на временную работу. К счастью — пока еще кормят. Пусть рацион и состоит по большей части из отдающей кислым молоком агентировки. В сети все чаще всплывают — лагерные контент-фильтры, управляемые откопанными где-то в залежах ранних поколений модерботами, представляют собой одну большую дыру — увлекательнейшие дискуссии о присвоении нам «неактуального статуса». Зажатая в тисках двух сильнейших ГОК Евразии, Красноярская Республика явственно перенимала не лучшие черты конкурентов.

Несколько лиц в очереди повернулись в мою сторону, когда я двинулся к выходу из конторы. Безо всякого интереса, впрочем. Я не первый покидал очередь несолоно хлебавши. Общеизвестно было — рассчитывать на распределение